

«Корлион, Масса».

Хан протянул кореллианское приветствие, когда остановился напротив Таг Массы, начальника разведки, в переполненном беспорядке на борту Номе Оне. Когда ему приходилось просить кого-то об одолжении, он всегда любил подчеркивать любую связь, какой бы расплывчатой она ни была - и он должен был признать, что принадлежность к одной и той же планете и, следовательно, общение на одном родном языке было примерно таким же неопределенным, - связь, как и у вас мог получить, но это было все, что у него было. Это и дружба Массы с Леей, именно поэтому он был здесь в первую очередь. Судя по выражению глаз Таг Массы, когда она осторожно взглянула на него, она явно думала о том же.

Слегка смущенный этим расчетливым взглядом, он снова переключился на базовый язык: «Э... это место занято?»

«Угощайся», - она снова повернулась к изучаемой автомеме. "Интересно?" - спросил Хан, надеясь завязать разговор. Масса не поднял глаз. «Офицеру Intel все интересно».

«Да, я слышу». - сказал Хан, гадая, как скоро он сможет вежливо перейти к делу; это было настолько близко к политике, насколько он мог - не считая того момента, когда он поймал Лею в клинче - и это было уже слишком близко для утешения. К счастью, Тэг облегчил задачу - у нее была привычка делать это для избранных.

"Я предполагаю, что это куда-то идет, Соло?"

"Почему это?"

"Ну, вы только что закончили десятичасовую дежурную смену, и вы еще даже не сняли свой летный костюм, но вы хотите провести время со мной. К тому же вам нечего есть, и вы все еще бродите вокруг столовой. Плюс ваш друг вуки сидит там и делает плохую работу, пытаюсь выглядеть небрежно незаинтересованным. Если вы замыслили какой-то заговор, вы всегда вовлекаете его, а если нет, вы всегда сидите с ним. " Хан поднял брови; Что ж, «упростить» может быть немного преувеличением.

«Вау, ты хорош».

"Да, я."

Она на секунду подняла глаза, выжидающе приподняв брови.

«И вы откладываете на потом».

«Хорошо... смотри... вот в чем дело».

"Не хотите ли сделать его немного резче?"

«Я добираюсь туда, не торопи меня».

Хан постарался изо всех сил обиженно обиженно взглянуть, что несколько не смутило начальника разведки.

«На самом деле, серьезно; выплюнь, потому что это становится больно». «Я хочу заняться Патриотом». - выпалил Хан. Большой; у него была проработана вся эта речь - последние десять часов он провел в тесноте в кабине A-Wing, глядя на заднюю часть грузового судна и сочиняя

целую историю о своем интересе к работе в области Intel, и все такое о смене карьеры и поиске возможности...

"Что за Патриот?"

Она задержала его взгляд на несколько секунд, смущенная ... затем печально вздохнула, отвернувшись: «Ах, черт, не стоит даже пытаться это на тебе, не так ли?»

Разведка Массы очень внимательно следила за Патриотом с момента его первого полета, ожидая увидеть, куда Наследник наведет свое новое супероружие, и на борту Home-One было много нервных лиц, когда Разрушитель впервые исчез в гиперпространстве. Но до сих пор для новаторского оружия было явно тихо, что беспокоило больше, чем если бы оно использовалось во многих отношениях. Таким образом, они вызвали много одолжений, израсходовали много средств и получили несколько наборов поддельных удостоверений личности, а теперь они создали небольшой пробел в списке дежурств, прежде чем привести все в действие.

«Давай, Тэг, позволь мне рассказать об этом - я могу это сделать».

«Вы знаете, сколько опытных спецслужб я просто ждал такой возможности?»

«Да? Сколько из них имеют опыт имперского офицера?»

«Вы были изгнаны из .»

«Потому что мне не нравились распорядки, а не потому, что я их не знал». он защищался храбро.

«Тебя выгнали за неподчинение, Соло». - сказала Масса, указывая на себя: «Офицер разведки, помните?»

Хан раскрыл руки ладонями вверх: «Эй, я буду придерживаться; потому что мне не нравились рутины, а не потому, что я их не знал ».

Она вздохнула, отложив свой автомемо: «Почему ты хочешь пойти, Соло, правда?»

Он пожал плечами: «Думаю, у меня получится...»

"Я действительно сказал ".

Острые глаза встретились с его собственным: «Не лги мне».

Хан на мгновение остановился под этим расчетливым взглядом: «Ты знаешь почему».

«Да, знаю, и поэтому я не могу позволить вам. Вы подвергнете опасности миссию. Вы знаете, что потребовалось, чтобы получить эти документы?» «Что ж, тогда не тратьте их - отдайте их мне. Отметьте, я могу получить результаты».

«Для Альянса, а не для вашего собственного маленького крестового похода».

«Давай, Тег, дай мне это. Я держу пари, и ты это знаешь».

Она долго смотрела ему в лицо, зная, что он был прав; у него был опыт, он был спокойным под давлением и знал свое дело. Если она откажется от него из-под контроля, то не сделает себе никаких одолжений. Но она не была настолько глупа, чтобы упустить из виду, почему именно

он хотел эту миссию. Она откинулась назад, размышляя, осознавая, что он смотрит на нее, но равнодушно; если он думал, что пристальный взгляд на нее выведет ее из себя, то он глубоко ошибался. В конце концов она вздохнула, не особенно желая оттолкнуть его; он был одним из мандатов ее миссии здесь, и это уже было приостановкой для размышлений. К тому же ее Шеф явно имел с ним какую-то связь, хотя он никогда не признавался бы в этом вслух. Вот почему это не ее звонок; нужно было перейти в Командование.

«О, быть там лично», - подумал Масса; Увидеть его лицо, когда это было передано - что Соло узнал о миссии «Патриот» и действительно хотел попасть на борт. Что бы об этом подумал Шеф - без сомнения, это его сильно позабавило бы. Да, ей потребуется несколько дней, чтобы проверить, что он хочет сделать, как он хочет действовать ... но она готова поспорить, что в последний раз он скажет, что он отпустит Соло. Она рассеянно позволила уголкам своих губ скривиться, обрадовавшись этой мысли, и Соло вопросительно приподнял бровь, заставляя Тэга сесть прямо, решительно вытирая улыбку с ее лица.

«Мне нужно время, чтобы подумать - я не буду торопиться с решением». "Абсолютно."

Она сузила глаза: «Это не было соглашением, Соло, я подумаю об этом. Это все, что я могу сказать».

«Хорошо, это все, что я прошу».

Он поднялся, чтобы уйти, снова завязав рукава своего мешковатого летного костюма вокруг талии, где он снял верхнюю половину с нижней рубашки.

«Может быть, если я найду что-нибудь полезное, я наконец избавлюсь от Мадина».

Масса сухо улыбнулась, выразив свои сомнения: «Думаю, для этого тебе действительно нужно вернуться с Наследником».

«Бьюсь об заклад, он найдет какой-нибудь предлог, чтобы раскритиковать меня даже тогда. Наверное, надрал бы мне задницу за то, что я был в компании известного врага - видите, это должно быть доказательством того, что я имперский шпион».

Масса пожал плечами, хмуро глядя на него, не обращая внимания на его сардоническое остроумие.

«Доверие - это странная вещь, Соло - иногда, даже когда факты прямо перед тобой, их трудно увидеть. В конце концов, ты либо доверяешь, либо нет. И даже тогда, если кто-то продолжает выдвигать идеи в твоей голове, это трудно удержать».

" Хэн скрестил руки, очень уверенный.

«Нет, это не так. Это самая легкая вещь в мире. Либо вы делаете, либо нет. Неважно, что кто-то говорит, вы действуете интуицией». "Это то, что вы делаете?"

«Каждый раз. И не говори мне, что ты этого не делаешь».

"О, я делаю". Масса снова обратила внимание на свой автопамять. "Больше, чем ты знаешь."

Натан быстро вошел в комнату Люка на борту «Патриота», понимая, что у него не будет много времени. Когда он вошел, он вежливо поклонился шее. Яркий искусственный свет верфей скопления Кунахт отбрасывал резкие тени внутри. Они должны были снова отправиться на

Обод менее чем через день, их третья такая поездка за последние два месяца, Люк уже провел долгие часы, изучая документацию, относящуюся к «проекту» в Эндоре, который теперь получил кодовое название « Возмещение »- о котором Натан не знал. Но он действительно знал, сколько времени уже было потрачено на то, чтобы сделать проект «Возмещение ущерба» отвечающим менее очевидным целям Люка, разделяемым с немногими доверенными лицами. Все они, конечно, видели потенциал - теперь они искали недостатки; ловушки и ловушки, тщательно спрятанные западни.

Когда они все расчистили, можно было приступить к работе. Так что это не совсем идеальное время, чтобы усугублять проблемы, знал Халлин, и особенно не с такой деликатной, как эта, - но он был бы небрежным в своих обязанностях, как союзник и друг, если бы он не решил сообщить об этом просто потому, что это было сложно. Он отправил Люку короткое сообщение, которое на первый взгляд было достаточно невинным, но содержало одну из нескольких заранее подготовленных фраз, которые сигнализировали ему, чтобы он опустошил свою комнату. Люк сделал это, поручив Маре, которая сегодня утром выполняла дежурство телохранителя, поручить другое задание. Теперь он оторвался от своего широкого стола, когда вошел Холлин, глаза его были острыми и напряженными, вопрос оставался невысказанным.

Холлин шагнул вперед, сразу перейдя к делу: «Я подслушал пару разговоров, когда был сегодня утром в медцентре; техников, которые повторяли слухи».

"Продолжать?" - сказал Люк, недоумевая, почему Нат так напрягся, рассказывая ему это, что бы это ни было.

«Они говорили о Джейд-Маре. Ходят слухи, что она хранит несколько флаконов с глиттерстимом в своей каюте... конечно, для развлекательных целей».

Холлин сухо сказал о популярном наркотики, покачивая головой. «Я ... сложил два и два; она не из тех, кто принимает глиттерстим, но есть один препарат, который она может носить, хотя я уверен, что она уверяет вас в обратном».

Холлин полез в карман своего бледно-серого медицинского халата, перебирая там четыре маленьких пузырька, каждый размером примерно с половину его мизинца, с узкой шейкой на полпути вниз.

«Я взял на себя смелость пойти к ней сегодня утром, когда знал, что она дежурит».

Люк оперся локтями о стол, подперев голову руками; Халлин, вероятно, допустил ошибку во всех тонких поездках - шпионаж вряд ли был его сильной стороной - и, что еще хуже, Мара теперь неизвестно где на борту Разрушителя. Если бы кто-нибудь из них был подключен к ее коммунитору, она уже знала бы, что ее взломали, поэтому они не могли даже попытаться починить... Холлин шагнул вперед и поставил перед Люком четыре маленьких знакомых пузырька на стол, разбив его ход мыслей был полностью завершен, глаза следили за ними, когда они катились вперед и останавливались, слегка щелкая друг напротив друга. Долгое время он молчал, глядя на крошечные пузырьки, наполовину заполненные грязнокоричневой жидкостью... наконец, он протянул руку и взял один, подняв его, чтобы держать на уровне глаз. . Вот и все, Люк знал.

Это было лекарство, которое Палпатин так эффективно использовал против него; лекарство, сделанное на заказ, которому он не мог противопоставить. Наркотик, который, попав в его организм, мог самовоспроизводиться быстрее, чем он мог удалить его с помощью Силы. Этот изнурительный препарат позволил Палпатину снова и снова возвращать Люка в камеру под

Дворцом, когда он выбирал дисциплину и наказание, наказание или упрек. Лекарство, которое удерживало его там, в любом состоянии, которое Палпатин выбирал, от подавленного и вялого до парализующей неспособности или бессознательного состояния каждый раз, когда он переступал свою отметку. Наркотик, образец которого он так долго пытался получить. Лекарство, которое, по словам Мары, у нее больше нет.

Она посмотрела ему в глаза и пообещала, что у нее их нет. Это означало, что она солгала ему... что означало, что она могла солгать ему. Он подумал, что ему не следует удивляться; в конце концов, он научил ее, как это делать. Он всегда знал, что, обучая ее лгать Палпатину, он также учил ее лгать самому себе. Люк взглянул на Холлина, который нервно посмотрел вниз, затем снова посмотрел на пузырек, хотя на самом деле он больше не смотрел на него. Холлин в напряженной тишине наблюдал, как Люк снова посмотрел на пузырек, бесконечно мало покачивая головой, сжав челюсти. Казалось, он задумался на долгие секунды ... Затем он вернулся в тот момент, вертел в пальцах тонкий флакон, изучая его.

«Есть ли способ получить оттуда образец, не сломав крышку?»

Холлин покачал головой: «Нет, не без разрушения флакона. Они предназначены для того, чтобы сломать горлышко, чтобы выпустить содержимое в дротик для доставки. Это система, аналогичная стандартной гипогликемической системе. Все медицинские флаконы предназначены для быть невосприимчивым к любому постороннему агенту; полностью защищенным от взлома».

Люк внимательно изучал пузырек, пока Натан говорил, чувствуя, как его сердце колотится как от возможности, так и от предательства. Он так долго хотел этого шанса; это была тень, нависшая над ним с тех пор, как он впервые сюда прибыл - это единственное, что его пугало, потому что с ее помощью любой мог остановить его. И его распространение строго контролировалось Императором, каждый пузырек всегда учитывался; Люк понятия не имел, откуда это взялось, сколько там было и у кого это было.

Он снова повернул флакон в руках, учитывая... потому что, как бы он ни хотел этого, была ли цена получить его прямо сейчас, таким образом, слишком высокой? Это была уязвимость, и ему не нравились они, но разве он не раздумывал над этой слабостью? Палпатин скрупулезно контролировал его распространение, о чем свидетельствует тот факт, что Люк так долго пытался получить образец. Было ли его беспокойство разумной реакцией на настоящую слабость или просто его отвращение к тому, что Палпатин использовал его? Действительно ли это когда-либо мешало ему что-либо делать - или это просто усугубляло последствия? Какими бы они ни были, так или иначе. Он постучал по тонкому флакону, переворачивая его в пальцах и наблюдая, как темная жидкость покрывает внутреннюю часть стакана... затем протянул руку, чтобы вдавить комлик в свой стол, глядя на Натана, когда он это делал. "Wez еще не встал?"

Натан не удосужился ответить, так как Люк уже нажимал кнопку коммутации, и голос Веза вернулся через несколько секунд;

"Рис".

«Вез, тебе нужно подняться сюда. И узнать, где именно Джейд связывает меня».

Люк не стал ничего объяснять, но знал, что в этом нет необходимости; Вез уже был в пути. Он снова взглянул на Натана;

"Это все флаконы, которые вы нашли?"

«Да. Они были в маленьком металлическом футляре. Я оставил футляр там, где он был».

«Точно опишите случай».

«Это был просто ... всего лишь небольшой металлический футляр. В нем была защитная вставка для хранения флаконов...»

"Не было пустых слотов?"

"Да, два."

«Есть ли способ вынуть вкладыш, чтобы под ним могли быть спрятаны флаконы с антидотом?»

Лицо Холлина просветлело, когда он понял, что Люк искал противоядие. «Нет, я так не думаю - коробка была слишком тонкой».

«У вас есть что-нибудь в вашем медицинском магазине, которое выглядит именно так - вообще что-нибудь?»

«Нет, не того цвета».

Он хочет заменить одного.

"Есть ли у вас средства для запечатывания жидкости во флакон таким образом?"

«Нет, это специализированный объект. Содержимое должно быть загружено в герметичной стерильной среде».

«Неважно, можете ли вы закрыть флакон, чтобы содержимое не конденсировалось?»

Холлин слегка поерзал: «Нет, я не могу».

Люк снова замолчал, обдумывая варианты.

«Во-первых, нам нужно вернуть их в комнату Мары - точно так, как вы их нашли».

«Ты не собираешься оставить себе? Противоядие...»

"Это не противоядие, а это значит, что если мы оставим один, чтобы передать его химику Каррде, чтобы он, надеюсь, создал противоядие, тогда Мара узнает, что потеряла одно, и сообщит об этом Палпату. Даже если она не может объяснить, куда она ушла - а я чертовски уверен, что она сделает это своей миссией, - Палпату будет действовать осторожно; это было слишком полезно для него слишком долго, чтобы даже рискнуть получить образец. Это будет означать, что ему немного поменяют препарат; ровно настолько, что все, что мы делаем, чтобы противостоять ему, при условии, что химик Каррде способен взломать его химический код, а затем создать противоядие в разумные сроки, больше не будет эффективным.

Что бы мы ни делали, чтобы скрыть тот факт, что он у нас есть, если Мара не сможет объяснить все флаконы, Палпату изменит препарат. Если мы не сможем получить образец и вернуть флакон в целостности и сохранности, она узнает, что кто-то был в ее квартире, а вы - Теперь на всех стандартных изображениях с камер наблюдения за входом в ее квартиру. Это означает, что мне нужна гарантия, что каждое изображение было удалено, прежде чем она сможет сделать копию, потому что, если она получит хотя бы одно из них нетронутым, даже я не смогу защитить вас от Палпату, если оно появится. Наконец, помимо всего этого, она

также знает, что Я знаю, что она может солгать мне. В настоящее время она этого не делает, и мне нужно, чтобы так и было. Мне нужно сломать то, что она делает - мне нужно знать, когда она лжет - это так же важно, как и наркотик ».

«Но образец...» - возразил Холлин, зная, как Люк ненавидел препарат. Он решительно покачал головой: «Мы знаем, что теперь он у нее есть. Мы всегда можем вернуться и получить наркотик Натану - когда мы лучше подготовимся; когда мы сможем замаскировать потерю, заменить его дубликатом - заменить их все, даже . Это больше, чем мой дискомфорт от того, что я ... "»

Люк был прерван стуком в дверь, когда вошел Рис, его глаза вспыхнули и остановились на пузырьке в руке Люка, его сразу же узнали.

«Джейд находится в Навигации, проверяет журналы, чтобы убедиться, что очистка системы действует, командир. Очевидно, вы отправили ее туда».

"Вы говорили с ней?"

«Нет, сэр, но я знаю технику второго массива; я связался с ним напрямую и спросил, что она делает».

Люк передал флакон Рису: «Контроль за повреждениями; им нужно вернуться в ее комнату, и мне нужно удалить все следы того, что Натан был там. И в журналах безопасности».

Рис только кивнул, зная, что лучше не задавать вопросы прямо сейчас, мгновенно понимая, какой у них плотный график. Холлин протянул руку, чтобы собрать другие флаконы - им все равно придется удалить его отпечатки пальцев - и взглянул на Риса, когда тот повернулся к двери; "Одну секунду, одну секунду, пожалуйста?"

Оглянувшись на Люка, который слегка кивнул, Вез повернулся и ушел. «Что бы это ни было, может подождать, Натан».

"Это важно."

Люк вздохнул и слегка откинулся назад, уже зная, что скажет Нат. Холлин сделал шаг вперед, сохраняя голос.

«Интересно,... учитывая тот факт, что Мара все еще носит эти флаконы и поэтому должна быть готова использовать их, если Император получит указание...»

«Ближе к делу». - кратко вмешался Люк.

«Будь...» Халлин был так же упорен и непоколебим, как всегда, «Возможно, пора... пересмотреть свои отношения с командиром Джейд». Люк не сказал ни слова, не встретился взглядом с Натаном, его настроение медленно поднималось, когда осознание действий Мары дошло до него. Не зная, Натан двинулся вперед спокойным, но целеустремленным голосом.

«Она сказала вам, что больше не носит их, и вы ей поверили. Не ища дополнительных доказательств, вы поверили ей. Интересно,... возможно, эта конкретная игра зашла достаточно далеко. Я думаю, вы найдете...» Люк встал, хлопнув руками по столу. Это были не слова Холлина - это было то, чего он раньше не говорил. Тем не менее, враждебные эмоции, охватившие Люка по пятам из-за последнего предательства Мары, были удивительны по своей силе - и Халлин зашел слишком далеко в неподходящий момент.

« Не читай мне лекций - не стой в безопасной темноте своей анонимной маленькой жизни и читай мне лекции о рациональных решениях, Холлин. Когда ты стоял здесь - когда ты жил этим существованием, всегда в наступлении, всегда в атаковать, ты можешь...

- Он замолчал перед лицом пассивного принятия Натана, взрыв прошел почти так же быстро, как и начался, лицо Люка превратилось в печальное сожаление. Натан вздохнул без вражды, зная, что его друг так долго шел по лезвию ножа. «Простите меня», - с чувством сказал Натан, глядя вниз, - «Но ... вы рискуете всем ради чего-то, что, в конце концов, совершенно невозможно. И каждый божий день, когда вы продолжаете, вы подвергаете себя большому риску. знайте это сами - вы мне об этом сказали. Она никогда не будет такой, какой вы хотите, она никогда не будет заслуживающей доверия. Пока жив Император, она будет ставить свою верность ему на первое место ... и пока она готова сделать это, она рискует. Для ваших планов, для ваших союзников ... и для вас ".

Hallin открыл свою руку, флаконы позвякивая друг от друга, « Это является reality- это правда; , Что ограничивает ее верность мне очень жаль , но ...»

Холлин замолчал, тон и чувство искреннего извинения, и его мягко сказанные слова обладали силой, чтобы прорезать все опровержения Люка, холодная реальность в спешке выбила воздух из его легких. Внезапно Люк понял, что он делал - что он просил сделать окружающих. Он рисковал всем , не только своей шеей, но и теми, кто уже так рисковал, чтобы поддержать его - ради чего? Потому что он больше не знал; он не знал, где закончилась ложь.

Его бурные отношения с Марой всегда были не более чем хрупким перемирием, непростым компромиссом, границы которого были отмечены его знанием ее преданности. Теперь дело даже не в этом - теперь это было в лучшем случае преднамеренное отрицание; в худшем - опасная ложь, манипуляция в самой холодной форме. Если бы она держала эти пузырьки... если? .. если! У нее были флаконы; она была lied- , что там осталось доверия? Настоящий обман здесь был тот, который он добровольно создал для себя, и если бы только он подвергся риску, то, возможно, он все еще закрыл бы глаза ...

«Тебе следует положить этому конец». - тихо заявил Холлин, и Люк знал, что, в отличие от своего отца, Натан говорил только из беспокойства: «Это стало слишком опасной игрой».

"Я знаю." Холлин молча кивнул, затем повернулся и ушел. . В одиночестве Люк долго стоял совершенно неподвижно, пытаясь не думать... зная правду; Она предаст его. Флаконы были ничем - вообще ничем. Что бы она ни собиралась сделать, этого еще не произошло. Он висел, неповоротливый, как плотный темный узел, как черная дыра в Силе, непроницаемый, неуправляемый, втягивая в себя все вокруг. Ничто не ускользнуло от его влияния; ничего. Ни он, ни она, никто. Его последствия разлетелись вовне, изменив все ... Как, он еще не знал; за этой единственной точкой все было темно. Там ничего не было. Забвение... неужели это так плохо? Потому что он чувствовал себя беспомощным, чтобы остановить себя; несмотря на все, он все еще хотел ей доверять - хотел, чтобы она была рядом. Снова слова его отца, сказанные так давно, шептали ему в лицо сокрушительную правду.

«Вы не можете быть рядом с другим - вы не можете позволить другому быть рядом с вами. Неудача неизбежна, и последствия выйдут из-под вашего контроля ».

"Я не вы." - прошептал Люк, с каждым днем все менее уверенный.

Когда Мара тихо постучала и вошла в каюту Люка на борту «Патриота» в ту ночь, он обнаружил, что он все еще одет, несмотря на поздний час, сидел за круглым столом под рядом

широких смотровых окон с пачкой чип-карт в руке.

"Еще не сплю?" - спросила она, проскользнув внутрь и закрывая дверь. "Ждем Вас." - сказал он просто, не улыбаясь, беспокойно постукивая картами по столу. Мара взглянула на них, затем снова на Люка, с любопытством наблюдая за его темпераментом, хотя она не могла понять, на что она могла бы обратить внимание.

«Ну, это удобно, потому что я здесь».

Она наклонилась, провела пальцами по его длинным волосам, чтобы откинуть их назад, и наклонилась, чтобы поцеловать его в лоб, прежде чем плюхнуться на стул напротив.

«Так что, думаю, теперь мы можем лечь спать».

«Я еще не устал. Поиграй со мной в сабакк».

«Я слишком устал, чтобы играть в сабакк - особенно с тобой».

Мара легко сказала: «Иди спать. Если ты не устанешь, мы что-нибудь придумаем».

Люк поднял глаза, его глаза на мгновение развеселились... но он не сдался.

«Несколько игр. Мы больше не играем».

Мара наклонилась вперед и, ухмыляясь, оперлась подбородком на стол. «Да, мы - только не сабакк».

Но Люк уже раздавал карты, его манеры были очень добродушными. «Что, боюсь, я тебя обыграю? Вот, я тебе скажу бесплатно; одна из моих карт - шестерка посохов. Как я могу с этим собрать выигрышную руку?» Ее голова все еще была прислонена к столу, Мара вздохнула и подняла свои карты, а Люк протянул руку и ударил по маленькому генератору импульсов, выдвигая его в середину стола.

«Лучше тебе не побеждать, Скайуокер». - без энтузиазма зарычала она. Что он и сделал - десять партий подряд. Но Люк знал, что в этом нет ничего удивительного; он использовал Силу. К этому моменту Мара села прямо, разгневанная его победной серией - и Люк знал это. К пяти играм в ней она прикрывала свои мысли, но к тому времени она уже обеспечила основу для сравнений внутри Силы, так что он продолжал выигрывать, подталкивая ее ко все большему подозрению и щиту. Десять игр подряд он либо продолжал делать ставки, пока не узнал, что у него выигрышная рука, либо блефовал так сильно, что заставил ее отступить в тот момент, когда он подумал, что она потеряла руку. Всегда смотрю, всегда читаю ее. Каждый раз, когда поле меняло номинал карт, каждый раз, когда вытягивалась карта, каждая сделанная ею ставка, каждый фолд, каждое повышение.

Тщательно настроенный; выявляя образы мыслей и скрытые намерения, медленно улавливая слабые вариации, малейшее несоответствие. Погоня за приращениями, трещины в ее броне, трещины в ее щитах. Сотни решений, принимаемых в быстрой последовательности, всегда скрытых, но легко поддающихся сравнению, - результаты подтвердились, когда были перевернуты карты.

Он научил ее системе, которую можно использовать против Палпатина; как использовать Силу для защиты секретов - способ скрыть ее мысли, а затем скрыть экраны - это была его система... и если он ее создаст, то сможет ее сломать. Но тонко; попытка за попыткой, проверка за

тестом, установление планок и стандартов и уравнивание каждого изменения в потоке с существующими знаниями, каждый заметный недостаток, каждое сомнение, каждый блеф, каждый использованный моментальный триумф, изменение своей техники, адаптация его чтения. Он имел ее в семи играх; после этого он был академическим. Она хмуро посмотрела на него через стол горящими зелеными глазами.

"Вы используете Силу?"

Он слегка откинулся на спинку стула: «Я бы никогда не солгал тебе, Рыжий». Мара сузила глаза от его избегания.

«Ты все время лжешь».

«Я блефую, - поправил Люк, - есть разница».

«Я не говорю о сабакке».

«Я тоже». - сказал он хладнокровно, пользуясь возможностью, чтобы завязать разговор там, где он хотел, для проверки новых знаний. "Спрашивай о чем угодно."

Мара откинулась назад, все еще достаточно расстроенная, чтобы ее втянуть .

« Почему мы играем в сабакк в два часа ночи?»

«Потому что я давно не играл в эту игру, - сказал он, - не с тобой». Прежде чем она смогла снова заговорить, он выпрямился: «Моя очередь - это вы переставляли линзы наблюдения в коридоре, чтобы вам было легче входить и выходить отсюда?»

Ничто не слишком спорное, чтобы начать с; то, что он уже знал, но она этого не знала. Теперь настала очередь Мары выпрямиться, по-прежнему настороженной перед этой странной сессией вопросов и ответов.

«Я не согласен, что это двустороннее предложение».

«Ваш вопрос следующий». - сказал Люк, зная, что она не сможет отказаться от приманки. Она заколебалась - но только на секунду...

«Да, я сделал. Зачем ты это делаешь?»

«Потому что я хочу правду».

«Это не ответ, это избегание».

«Потому что я хочу правду, и я думаю, что лучший способ получить ее - предложить ее взамен».

Снова Люк продолжил, прежде чем она смогла спросить больше: «Моя очередь; ты все еще носишь огнестрельное оружие, когда приходишь сюда ночью?»

«Я всегда ношу с собой огнестрельное оружие, ты это знаешь».

«Да, я скрываю - так почему ты это скрываешь? Что еще ты скрываешь, Мара?»

«Это два вопроса».

Она сказала, и Люк слегка пожал плечами, уступая; не имело значения, ответила ли она вслух - она уже ответила в своих мыслях. Мара подумала о долгих секундах, понимая теперь, что этот разговор идет по конкретному поводу, отметив резкий край в его тоне и его стойке.

"Что ты хочешь с этим?"

Эти острые, несоответствующие глаза глаза лишь слегка ожесточились. «Я хочу знать, лжешь ли ты мне».

Он замолчал достаточно долго, чтобы прояснить, что задает свой вопрос;

"Ты лжешь мне, Мара?"

Мара слегка напряглась: «Ты мне лжешь?»

Легкая улыбка коснулась его покрытых шрамом губ: «Ты уже просил об этом».

«Вы не ответили».

"Почему ты лжешь мне, Мара?"

Мара покачала головой, выпрямляясь, понимая, что подшучивание приняло опасный оборот: «Почему ты лжешь мне?»

Он слегка откинулся назад, казалось, на мгновение задумался.

«Потому что вы не оставляете мне выбора. Если бы вы могли честно сказать, что не стали бы повторять все, что я говорю или делаю Палпатину, тогда я бы не стал лгать. Если бы вы дали слово, что все, что вы увидите или услышите в то время, мы проводить вместе существует за пределами вашего мандата, тогда мне не нужно было бы каждый момент сомневаться в вас. Но вы не станете этого делать.

Поэтому я лгу, чтобы защитить себя в той ситуации, в которой мне действительно не следовало бы единственный человек, которого я действительно не хочу ".

Он сделал паузу, затем повторил свой вопрос: «Почему ты лжешь мне?» Мара в течение долгих секунд хранила ошеломленное молчание, ошеломленная этим взрывом резкой правды, целым минным полем, с которым они очень демонстративно даже не пытались справиться раньше. Голос Люка на этот раз был резче, требование безошибочно; "Почему ты лжешь мне, Мара?"

«Иногда... я должен».

Он наблюдал за ее борьбой в течение долгих секунд, прежде чем она сказала это, наблюдал, как она осознала, к чему все идет. И как бы Люк не хотел злиться, он не мог; не раньше, не со всей историей, которая стояла за ними. У него было то, что ему было нужно - он знал, как сломать ее щиты. Все остальное было просто утолить его собственное разочарование и разочарование; он, вероятно, мог бы утвердить это для себя как поддержание разговора, чтобы скрыть свои намерения, или оправдание для себя, что то, что он собирался сделать, было правильным выбором, но на самом деле это было промедление, чтобы облегчить это. Для него, если бы не для нее. Он вздохнул, отвел взгляд и откинулся на спинку стула. Он знал, что есть еще одна вещь, которую ему нужно положить, чтобы отдохнуть - и он должен сделать это сейчас, быстро, пока у него еще есть гнев, чтобы протолкнуть ее.

«Это... это никогда не сработает, Мара. Мы были глупо полагать, что это будет. Мы должны отступить изящно, пока это еще... по крайней мере, достаточно просто».

Мара покачала головой, но он продолжил, сдерживая себя.

«Это будет слишком сложно, Мара. Я удивлен, что это еще не так». "Почему? Что бы изменилось?"

«Что ты собираешься делать в следующий раз, когда Палпатин прикажет тебе выступить против меня - чтобы я мог снова доставить меня в центр заключения? Потому что в конце концов он это сделает». «Только если ты заставишь его».

«Он будет делать это Мара. Он даст тот eventually- порядок , и я думаю , что вы будете носить его.»

Люк какое-то время молчал, давая ей время подумать об этом - отрицать это.

Но она промолчала, и он смиренно вздохнул: «... И что это нас сейчас оставляет? Где это меня?»

«Это оставляет нас там, где мы есть - ничего не изменилось».

«Ты хочешь знать, где мы? Я не доверяю тебе, Мара, я не могу доверять тебе. Что мне делать?»

«Что... что... что это произошло?»

Люк недоверчиво поднял брови.

«Это не имеет значения! Это не делает ничего ложного».

Люк встал и отступил на шаг, оставив между ними некоторое расстояние: «Почему ты, Мара. Ты когда-нибудь задумывался... почему ты должен быть здесь каждый день, всегда рядом? Почему ты вначале, когда я был совершенно один? Ты убийца - оперативник под прикрытием, а не телохранитель ".

«Потому что я знаю, как бороться с джедаем». - сказала она, как будто это было очевидно. Люк покачал головой, отказываясь от подтверждения. "А что насчет Вейдера?"

«Палпатин не доверял Вейдеру, ты это знаешь».

«Он тебе не доверяет».

«Конечно, он мне доверяет - всегда доверял».

"Тогда почему у тебя есть наблюдатель, Мара?"

Она только пропустила вопрос, качая головой. «Вейдер работал бы в своих интересах, будь он там - Палпатин знал это».

"И что ты делаешь, находясь здесь - вот так?"

«Он этого не знает. Вы сказали, что он не знал, что мы вместе - во Дворце, вы сказали, что он не знал».

«Я был неправ. Он knew- Я думаю , что он всегда знал. Он спроектирован это, Мара.» Она встала, сделав шаг вперед, но остановившись, когда он отступил,

«Люк, он не знает».

«Он знает. Может быть, просто, может быть, нам бы это сошло с рук, когда мы были далеко от Корусанта - может быть, даже на одну ночь во Дворце - но когда он был на Патриоте ?!

" Мара уже качала головой, выстраивая сотню тщательно продуманных оправданий. Люк поднял руку, жестом оборвав ее слова.

Он закрывает глаза, потому что это так много для него приобретает». «Что он может получить от того, что мы с тобой вместе?»

«Все. Все, что он хочет... нужно».

Мара неуверенно покачала головой, не желая упускать из виду уклонение теперь, когда так много было поставлено на карту. «

« Все »- это не ответ, Скайуокер, это уклонение».

«Тебе нужны подробности? Хорошо. Ему нужен способ контролировать меня, и он знает, что сможет сделать это через тебя, потому что ты всегда останешься верным ему в конце дня, Мара. Ты никогда не нарушишь прямой приказ, не от него - так что у него всегда есть кто-то рядом, кого он может повернуть против меня. Потому что, как бы кто ни пытался сохранять бдительность, близость снижает защиту ".

Он не опускался так низко, чтобы упомянуть в уме другую причину; что ее близость купила ей информацию, к которой у нее никогда не было бы доступа, но они оба знали, что он думал об этом, не в последнюю очередь потому, что это было правдой, как бы он ни пытался поддерживать эту защиту. Тем не менее, Люк пропустил его, сославшись на другие причины.

«Он использует тебя как прямой метод контроля, Мара, он уже использовал тебя против меня».

«Что это вообще значит - как использовал меня против тебя?»

«Как угроза, Мара».

Люк тихо сказал: «Сделай это... или они заплатят за последствия». Мара покачала головой, не желая поверить, что Палпатин будет использовать ее таким образом.

"Он сказал мое имя?"

"Ему не нужно было".

Мара снова покачала головой.

«Он не знает».

Люк держал землю, неуступчивый.

«Он позволяет это - он закрывает глаза, потому что знает, что у него есть все, чтобы выиграть, и нечего терять».

"Что? Как?"

Люк вздохнул, не желая причинять ей боль, но зная, что об этом нужно говорить вслух.

«Ребенок, Мара. Чуткий ребенок, продолжающий свою драгоценную династию». Мара почувствовала, как у нее отвисла челюсть, осознание этого нанесло ей почти физический удар, отчего ей стало плохо. Долгое время она хранила молчание, последствия этого медленно осваивались. Ребенок - он бы взял это от них - от нее. Спрячьте и храните; крутить его разум и ... Она покачала головой, отступая, ей нужно было пространство. Скайуокер ждал, пока она расхаживала по комнате, проводя пальцами по волосам. Сделал бы он это? Все это было запланировано? Она знала, что ее хозяин хотел основать династию ситхов; для этого ему не нужны были два чувствительных к Силе, но она хорошо знала его, знала, как работает его разум; что он хотел бы необыкновенного, уникального... разве это не было бы похоже на него...

«Это не была бы его династия». - сказала она вслух, обращаясь к Люку. «Это будет Вейдер».

Люк отвернулся, его лицо омрачилось беспокойством. «Он хочет династию ситхов, Мара - он хочет свою драгоценную династию ситхов, и именно так он получит то, что хочет. Это все, что для него важно; это все, о чем идет речь - ты это знаешь. Это то, что он делает. - игры в играх, все искажено так, как он хочет. Нет совпадений - не здесь; вы это знаете . Все зависит от его дизайна. И когда он понимает, что вы не получите его то, что он хочет, он будет ждать в следующий раз, когда я найду слишком далеко, чтобы он мог обвинить меня в этом, ты уйдешь. Ты уйдешь, потому что он знает, что это может причинить мне боль ».

Люк покачал головой: «Я не делаю этого - я не могу. Я не могу дать ему такой контроль - ты это знаешь».

«У него есть контроль, только если вы позволите ему».

Мара сказала: «Ничего не изменилось с той первой ночи, когда мы были вместе, на самом деле».

«Нет, это не так».

Люк, не дрогнув, сказал: «Я не доверяю тебе, Мара.

Ты лжешь мне более чем в одном». Мара на мгновение приподняла подбородок, но гнева не последовало; это было бессмысленно, и они оба это знали.

«Я не лгу тебе ни о чем важном».

"Это важно для меня."

«Это просто Палпа...»

"Я точно знаю, что это такое, Мара. Чего я не понимаю, так это того, почему ты думаешь, что это нормально. Как ты мог подумать, что я считаю приемлемым тот факт, что ты работаешь на моего врага - как, черт возьми, ты думаешь, что это сносная ситуация." "

Он не твой враг, Люк».

«Нет? Человек, который содержит камеру заключения специально для того, чтобы держать меня, не мой враг? Человек, который снабжает окружающих лекарством, созданным

специально для того, чтобы контролировать меня? Он разносит меня там на части, Мара, на случай, если ты не узнала. Не заметил. За все время, что я был там, я ни разу не вышел из этой камеры - потому что я никогда не был способен. Как я могу думать о человеке, который делает это, как о чем угодно, только не как о моем враге ?

" Он отказался от того, что он так хотел сказать; и ты все еще несешь наркотик, который вернет меня в камеру ... ты!

Мара стояла на своем: «Те дни прошли, и ты это знаешь».

"Как !? Откуда я это знаю?"

"Он сказал мне."

Люк чуть не рассмеялся вслух.

«Ты не можешь доверять ему, Мара! Ты не можешь доверять всему, что он говорит».

Его голос теперь повышался, пронизанный разочарованным недоверием. « Я могу ему доверять». она твердо утверждала: «Он не лжет мне». «Тогда почему...»

Люк замолчал, запустив руки в волосы. Он долго молчал, глядя вниз, покачивая головой, и когда он снова заговорил, его голос был вынужденным спокойным;

"Почему вы называете его хозяином?"

"Что?"

Она отступила, избегая ответа, пытаясь выиграть время. Но он не позволил ей, это спокойное выражение наложило на него то, о чем он действительно думал.

«Он велел вам называть его хозяином, но он не будет учить вас, кроме того, что приносит ему пользу».

Мара отвернулась, не желая отвечать, но он промолчал, и наконец она заговорила.

«Он научил меня всему, что мог».

Она настаивала, очень уверенная.

«Он не может научить меня тому, чему я не могу научиться».

Он говорил ей много раз; у нее была какая-то связь с Силой, некоторая близость, которая позволяла ей слышать его голос и отвечать тем же, но это был предел ее чувствительности. У нее просто не было связи, чтобы быть способным на большее. Он сказал ей это.

«Я научил тебя большему - неужели этому так трудно научиться? Он не учит тебя - он сдерживает тебя... и в глубине души я думаю, ты это знаешь».

Он шагнул вперед.

"Мара, дело не в том, что он не может научить тебя большему ... дело в том, что он этого не сделает . Сейчас тебя легко контролировать, и ты никогда не станешь угрозой - зачем ему рисковать, продолжая учить тебя ? "

"Тогда почему он научил тебя?"

«Потому что я...» - замолчал Люк, явно чуть не поскользнувшись в пылу. "Ты что?"

Потому что я уже слишком много знал. Потому что он видит власть и хочет контролировать ее. Потому что он верит ... утверждает, что у него есть корыстный интерес».

Мара в замешательстве покачала головой, зная, что он держится от нее; что у него были более глубокие причины, которыми он, казалось, не хотел делиться. Люк беспокойно вздохнул.

«Потому что он убежден, что я другой... мой отец другой. Это другая линия ».

"Другой как?"

"Я не знаю."

"Да, ты знаешь".

Она изучала его, пытаясь извлечь ответы из фактов, и он отвернулся, качая головой и стиснув челюсти.

«По крайней мере, дай мне это».

она толкнула: «Ты хочешь, чтобы я ушла... ну, тогда я думаю, что заслужила это».

Люк долго молчал, неохотно, но она оставалась неподвижной, ожидая ... «Я знаю только фрагменты», - сказал он наконец, не упоминая, откуда и как, -

«Это было... пророчество. Сделанное давным-давно джедаями...»

Он покачал головой, теперь смущенный,

«Что-то... Я не знаю. Эта линия замешана в ней, скручена с ней - вот что он утверждает ».

"Что за пророчество?"

Люк снова покачал головой, не желая, чтобы его втягивали дальше. «Посмотри на нас; эта линия... у нас плохая кровь, Мара. Плохая кровь». Было что-то в его тоне, злом, растерянном, отчаянном и полностью убежденном, и она знала, что он пытается оттолкнуть ее, но это только влекло ее еще больше. Она двинулась вперед, протянула руку, чтобы убрать его волосы с его глаз, но он отступил, подняв руку к ней, отказываясь от близости.

"Не надо".

он покачал головой.

«Мы не можем быть вместе, Мара. Я не могу доверять тебе, и ты абсолютно не можешь доверять мне. Мы играли в игру, вот и все. Это была просто игра, которая вышла из-под контроля...»

Она протянула руку и схватила его, хотя он напрягся от объятий, положив руки ей на плечи, чтобы оттолкнуть ее.

«Это не имеет значения, Люк. Все это не имеет значения, разве ты не понимаешь? Мне все

равно. Меня не волнуют пророчества, ситхи, императоры и наследники - мне все равно . Я забочусь о тебе. Я хочу быть с тобой ... и я чертовски уверен, что ты хочешь быть со мной. Так что все остальное не имеет значения, не так ли? "

Он молчал, все еще держа руки на ее плечах, хотя и перестал пытаться оттолкнуть ее. Она неподвижно прижалась к нему, крепко обхватив руки, чувствуя биение его сердца, подъем его груди - и все остальное не имело значения.

«Скажи нет и поцелуй меня». прошептала она, потягиваясь к нему ... И он наклонился к ней, проведя пальцами по ее вытянутой шее, и поцеловал ее. Но он не сказал «нет»

Мара взглянула на легкий стук в дверь ее комнаты, ее глаза сузились от подозрения. Она вернулась совсем недавно, переночевав с Люком, и вернулась только для того, чтобы переодеться, прежде чем она публично вернется в апартаменты Люка, чтобы начать свою официальную дневную работу в качестве его телохранителя. Она медленно подошла к двери и нажала на фиксатор. Натан Холлин тихо стоял в коридоре, глядя вверх, когда дверь скользнула в сторону.

«Коммандер Джейд».

Тот факт, что он вообще был здесь, был достаточно подозрительным; Тот факт, что он прибыл сюда через несколько минут после ее прибытия, был очевидным заявлением. Он пришел с тем, чтобы сказать, что Мара знает, так что было мелочно заставлять его сказать это здесь, в коридоре. Она отступила в сторону, позволив ему войти, собралась с мыслями и заставила себя сосредоточиться на сложившейся ситуации. Несмотря на его явно непринужденную манеру поведения, она поняла, что Холлин был проницательным и проницательным - в лучшие времена было немного. Он вошел в ее покои, но не пошел дальше, вежливо ожидая. Мара закрыла дверь ладонью, затем прошла мимо него в комнату, и он молча последовал за ней, не торопясь говорить.

«Если тебе есть что сказать, скажи это, Холлин».

Он долго изучал ее в молчании, прежде чем, наконец, сказал небрежным, резким голосом: «Наследник не знает, что я здесь».

"Вы просите меня не говорить ему, что вы пришли?"

«Я сообщаю вам факты, командир; что вы будете с ними делать - это ваш выбор».

Он быстро оглядел ее с головы до ног: «И выбор такой... интересный. Разоблачительный».

Мара настороженно сузила глаза. Холлин всегда высказывал свое мнение и никогда не скрывал своего недоверия к Маре, но это было что-то новое. Это не был случайный бекас в пустом коридоре - он действительно искал ее, чтобы сказать свое мнение. Конечно, она должна была понять; Вчерашние сомнения Люка должны были исходить откуда-то, и Холлин был очевидным выбором, но это - прийти к ней в комнату, чтобы говорить, как он, уже проведенные линии - это было неожиданно прямым, даже для Холлина. Но если и было что-то, что Мара могла сделать, так это прямо ;

«Я считаю, что если мне что-то интересно, лучший способ - просто спросить». Холлин только медленно кивнул.

«Интересный подход для тех, кто лжет, чтобы заработать себе на жизнь». Мара приподняла

брови и слегка подошла ближе, гадая, осознал ли слабый медик, что она может сломать ему шею, задолго до того, как он начал реагировать на это движение. Знал ли он, что единственное, что ее останавливало, - это Люк.

«Если все, что тебе нужно здесь сделать, это заговорить с Холлином, тогда тебе следует идти, потому что ты зря тратишь наше время». "Пойти? Куда я пойду?"

Холлин намеренно неправильно понял ее слова: «Это мой домашний командир. Здесь лежат мои обязательства и преданность».

"А ты говоришь, что мой нет?"

"Есть ли они?"

Это был удивительный вопрос, потому что это был просто вопрос.

«Здесь мои интересы, Холлин». - едко заверила Мара.

«Интересы - такие сиюминутные вещи - они ослабевают. И когда они появляются, кто-то должен собирать осколки».

Мара вздохнула, снова разочарованная этой продолжающейся схваткой. «Ты так хорошо его знаешь, Холлин. Не могу поверить, что ты считаешь его таким слепым».

«В некоторых вещах мы все слепы, командир. Тогда мы должны полагаться на окружающих, чтобы защитить нас».

«Я бы никогда не причинил ему вреда».

«Как ты сказал раньше. Но ты все еще здесь... и мы оба знаем почему». "Почему ты мне не скажешь?"

«Я уверен, что вам не нужно, чтобы я говорил вам, в чем заключается ваша преданность».

«Я никогда не скрывал своей преданности». - сказала Мара, аргумент Люка прошлой ночью звенел в ее ушах.

«Я тоже, командир».

Холлин ответил: «И они, уверяю вас, столь же страстны, как и ваши собственные».

"Я рад это слышать."

Холлин покачал головой, изучая ее вежливым и искренне любопытным тоном.

«Я не могу понять, как вы были так близки с ним так долго, но вы, кажется, не имеете ни малейшего представления о том, кто он на самом деле. Вы не можете понять, насколько близко к краю он работает каждый божий день. давление, под которым он существует - "

«Ты думаешь, я не вижу трещин, Холлин, но я вижу».

«Тогда я могу только предположить, что вы тестируете их специально - или игнорируете их ради собственного корыстного снисхождения». Подбородок Мары приподнялся: «Ты даже не представляешь, насколько ты сейчас близок к линии».

«И ты понятия не имеешь, во что обходится Люку, чтобы выжить здесь, я думаю. Не представляешь, сколько нужно, чтобы подняться над цепким контролем Палпатина, его постоянными манипуляциями. Люк сделает все - все, чтобы освободиться от него».

Мягкие, серьезные карие глаза Холлина обратились к Маре с серьезным выражением лица: «Так сильно, что если он разорвет себя на части, то это цена, которую он заплатит».

«Он не будет этого делать». - сказала Мара, обеспокоенная зловещим предсказанием Холлина.

"Ему не нужно".

Холлин сказал без вражды: «Вы делаете это для него».

Она отрицательно покачала головой, но медик продолжил.

«Вы делаете это каждый день, командир, просто оставаясь рядом с ним - и вы это знаете».

«Я думаю, он может позаботиться о себе, Холлин».

«Я уверен, что он может. Но это не умаляет самоотверженности тех, кто его окружает - и я, уверяю вас, не одинок в своем обязательстве защищать Наследника».

"Что это значит?"

Теперь он был очень спокойным, хладнокровно напористым и выдержанным: «Как вы думаете, мы не наблюдаем за вами? Как вы думаете, вы действуете безнаказанно?»

От заявления в этих словах Мара впервые занервничала.

"Кто такие" мы " ?"

«Мы не позволим тебе причинить ему вред». - тихо сказал Холлин, но с абсолютной решимостью.

«Ты думаешь, что ты здесь с санкции Императора, и это правда. Но, решишь ли ты верить в это или нет, ты тоже здесь с нашими. И когда ты впервые пересекаешь черту - в тот момент, когда мы видим, что он колеблется из-за твоего действия...

" Он встретился с ней взглядом, и его тон был абсолютным: «Мы удалим вас. Навсегда. Я сам сообщу Люку ... и я буду иметь дело с последствиями своих действий и отвечать за них, будучи уверенным в том, что что бы ни случилось, я сделал правильная вещь."

Мара была очарована и тронута этой безоговорочной приверженностью, этой защитной верностью. Тот факт, что им угрожали ей, в этот момент не имел значения. Важно было то, что это было там - что Люк был защищен этой сильной преданностью. Это он его вдохновил. Тем не менее, уверенность в словах Холлина говорила о многом, как и тот факт, что он встанет перед ней и признает это. Его завуалированное заявление о том, что есть другие люди, верные Люку, его утверждение, что теперь они могут справиться с любой угрозой, уверенные в том, что он остается неприкосновенным, его положение в качестве близкого союзника Люка дает Холлину равное положение с Марой в качестве Десницы Императора. Снова вспомнились слова Луки из прошлой ночи;

"Это будет очень сложно, Мара ..."

В то время они казались ничем; мимоходом замечание - теперь, в свете отношения Халлина ... Мара знала, что все меняется по мере того, как Люк набирает силу и растет. Прямо сейчас его поддержка была все еще скрытной и скрытной, но она явно набирала уверенность с каждым днем - и без причины это было бы невозможно. Ей впервые пришло в голову задуматься о том, что произойдет, когда Люк в конце концов возьмет власть - смогут ли те, кого, по утверждению Халлина, верили так же, как он, смогут тонко исключить и подорвать ее. «Я не причиню ему вреда, Холлин, это не мое намерение».

Халлин хранил молчание с каменным выражением лица. Она заботилась о нем? Она боролась между раздвоением лояльности или играла роль на благо Холлина? Если бы она действительно хотела сыграть эту роль, то, несомненно, она бы объявила о полной лояльности Люку и отреклась от Императора... и все же она осталась зажатой между ними двумя. Можно ли ей доверять?

«Вы слишком многого просите от него». - сказал наконец Холлин, глядя ей в глаза.

«Я ничего от него не прошу».

Разве она не понимала - не могла ли она понять, почему тот факт, что ее преданность не принадлежала Люку, был так важен? Эта попытка найти путь между ее дружбой и его собственными намерениями разрывала Люка на части. У него было мало уязвимостей перед Палпатином - величайшего из них, которого Император не знал, - но ему это было не нужно; Мары было достаточно.

«То, о чем вы просите его, - это уничтожило его отца, и он это знает. Я не позволю этому уничтожить его».

"Я тоже не буду."

В этот момент Мара осознала, насколько она имела это в виду. Как мало все остальное имеет значение в сравнении. Холлин медленно кивнул. Предупреждение все еще было в его глазах, хотя ради Люка оно скрывало кое-что еще; готовность воздержаться от осуждения... пока.

"Я буду держать тебя в этом".

Мара склонила голову набок и бросила ему в лицо слова, которые Халлин пробормотал так давно в медцентре: «Я делаю это не для тебя».

<http://tl.rulate.ru/book/24624/1287589>